

Некоторые итоги сезона

Стерлитамакский русский драматический театр заканчивает свой очередной сезон.

В работе театра наметились некоторые сдвиги. Положительным является постоянное обращение коллектива к произведениям советских драматургов — «Персональное дело» А. Штейна, «Сердце не прощает» А. Софронова, «Годы страстий» А. Арбузова. В этих пьесах выведены образы наших современников. В репертуаре театра представлены произведения русских классиков — комедия А. Чехова, «Пучина» и «Не все что масленица» А. Островского. Труппа показала и пьесы западных классиков — «Коварство и любовь» Ф. Шиллера, «Анжелика» В. Гюго, а также пьесу современного польского драматурга Е. Лютовского «Семейное дело», пока еще поставленную немногими театрами.

Творческий коллектив театра способен хорошо работать. Об этом свидетельствует, например, постановка «Семейного дела» (режиссер Б. Шахбазиди). Страница жизни рабочей семьи прочтена как яркий эпизод борьбы народа Польши против старого мира. Артисты М. Александровский, М. Маклаева, О. Попова, Н. Шипелов, Л. Иванов, В. Тарнаевич создали сценические образы, полные правды и мужества. Спектакль «Сердце не прощает» (режиссер И. Берлянд) — это взволнованный и убедительный рассказ о сельских тружениках, строящих жизнь в когда-то мертвых степях. Артисты Д. Лосик, П. Ремизов, Е. Вильчевская и другие живут на сцене чувствами, помислами советских людей, заставляя присутствующих глубоко задумываться над большими проблемами наших дней. В драме Островского «Пучина» режиссер Б. Шахбазиди подчеркнул гуманизм писателя, столь понятный и близкий нашему народу. Труппа создала глубоко современный спектакль. Правда, в этих постановках есть недостатки, но они не могут заслонить главного.

Успехи эти, однако, не определяют лица театра. Для него пока еще характерны спектакли, в которых проникновение в сущность общественных конфликтов неглубоко, связь идейного замысла и

его художественного воплощения недостаточна.

Показательна постановка трагедии «Коварство и любовь». Театр отказался от ряда важных в идейном отношении сцен, например, от разговора леди Мильтфорд с камердинером герцога, принесшим бриллианты, за которые «кровью рассчитались несчастные подданные», от встречи герцогской фаворитки с Луизой, когда раскрывается превосходство простого человека над аристократкой. Театр истолковал образы Шиллера преимущественно в семейно-бытовом, а не в общественно-политическом плане. Сокращение обличительных картин, бытовая окраска характеров, упрощенность образов — все это сузило социальную значимость трагедии Шиллера.

В сравнительно хорошем спектакле «Персональное дело» (постановщик И. Берлянд) также проявилось стремление театра к упрощению политической стороны конфликта. Режиссура и исполнители смягчили трудности борьбы героев спектакля с отрицательными персонажами, а характеры последних истолковали облегченно, порой плакотно. Елизавета Сергеевна (артистка М. Маклаева) трактуется сличком примозинейно: ее мешанское нутро демонстрируется откровенно и резко. При таком истолковании образа неясно, как могла семья Хлебниковых долгие годы жить в дружбе с такой мешанкой, которую можно распознать с двух-трех фраз. Получили в исполнении М. Оболенцева хитер, лжив, зод, но все это обрисовано в масштабах «мелкого беса». А ведь Хлебников говорит, что Полудин — большой враг, «мастер, художник» клеветы и интриги, у которого на счету не одна жертва. Такого противника следовало бы показать тоньше, острее, чтобы убедительнее обосновать необходимость бдительности и борьбы с подобного рода замаскированными проходимцами.

Пьеса «Где эта улица, где этот дом?» сыграна актерами живо и дружно. Особенно запомнились эпизоды «Но это только сон», «Весенний вальс», «Финал, или как Вам будет угодно». Мастерством отмечены декорации художника С. Силичева. Пер-

спектива вечерней Москвы эффектна, величественна и в то же время задумевна. Остроумно музыкальное оформление спектакля. И все же цельного впечатления постановка не оставляет. Актерские удачи хороши как частности, каждая в отдельности. Чувствуется, что исполнители исходят не из замысла произведения, не из логики развития своей роли, а из указаний режиссера, ставящего одну веселую сцену за другой, стремящегося добиться успеха, но забывающего о сатирическом подтексте пьесы, о критической сущности ее. В итоге зритель выводит несколько запомнившихся выражений, удовольствия от ряда удачных номеров, но не мысль о спектакле, как о художественном целом, чем-то обогатившем его.

Встречаются в работе театра и элементы штампа, стандарта. Пьесы «В сиреневом саду», «Я больше не буду!», а также «Чужой ребенок» различны по стилю. В актерском же исполнении они во многом напоминают друг друга, в часто только текст различает их. Не отличается глубиной отражения действительности и воплощения характеров постановка чеховской комедии «Медведь».

В чем же причина всего этого? Она в том, что руководство театра и определенная часть актеров самоуспокоились, удовлетворились достигнутым, стремятся к благодушному существованию без деловых споров и творческого риска. Попытки коллектива добиться результата с наименьшими затратами сил и ресурсов приводят к односторонней трактовке пьес, к тому, что некоторые из постановок легко сходат со сцены. Так было с «Отелло» и другими спектаклями. На многих из них — печать торпливости, незоработки, это результат неоправданного сокращения репетиций.

Росту настроений самоуверенности способствует слабость критики и самокритики в коллективе театра, порою формальное отношение к принципу коллективности. Так, например, в театре создан художественный совет, но зачастую решения по вопросам репертуара, принятые советом единогласно, изменяются дирекцией без согласования с ним.

Между репертуарным планом и репертуарной практикой театра существует резкий разрыв. Изменения в плане, конечно, возможны. Но в театре такие изменения стали системой. В план этого года были включены пьесы «Мать своих детей»

А. Афиногенова, «В добрый час» В. Розова, «Угрюм-река» по В. Шипилову, «Воскресенье» по Л. Толстому, «Угрошение строптивой» В. Шекспира, «Бража» Д. Лондона, «Перед заходом солнца» Г. Гауптмана. Ни одна из этих пьес не увидела рампы. Зато впланово прошел ряд других, непредусмотренных произведений.

Изменения репертуара происходят всегда в одном направлении: исключаются произведения проблемные, масштабные, а включаются вещи легкого жанра. Чрезмерное внимание к развлекательному жанру привело к тому, что он стал ведущим как по количеству постановок, так и по числу спектаклей.

Театр плохо связан с широкими кругами общественности. Члены творческого коллектива не бывают на заводах, в вузовских аудиториях, почти не знакомы с работой художественной самодеятельности. В течение года проведена лишь одна конференция зрителей, да и то на низком уровне. Рецензии на работы театра в коллективе не обсуждаются.

Во всех этих недостатках повинен не только театр. Министерство культуры БАССР не уделяет необходимого внимания единственному периферийному русскому театру в республике. Оно не направляет представителей на просмотры новых постановок. Даже когда решался вопрос о пьесе местного автора, министерство ограничилось телеграммой: «Прием новой комедии возлагается на художественный совет Стерлитамакского театра».

Бакирское отделение Всесоюзного театрального общества в последнее время неаккуратно выполняет заказы театра на высылку методических пособий к очередным постановкам. Театральное общество присылало лишь формальные указания или же малокомпетитированных лекторов.

Стерлитамакский театр может и должен работать успешно. Для этого надо и руководству театра, и актерам, а также организациям, призванным руководить творческими коллективами, повысить чувство ответственности за порученное дело, проявить больше заинтересованности в улучшении работы театра, играющего большую роль в коммунистическом воспитании трудящихся.

Г. ПУСТЫННИКОВ,
доцент Стерлитамакского педагогического института.